

A stylized illustration of a yellow human figure, possibly a woman, shown from the chest down. The figure is rendered in a flat, textured yellow color with black outlines. She is holding a white square in front of her chest with both hands. On the white square, there is a small green leaf on a thin stem. The background is a light, textured grey.

Виктория Мамонова

ОСЬ
СКЛАДКИ

Виктория Мамонова

Ось складки (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37680371

Ось складки: Стихи. – Мамонова В.: Геликон плюс; СПб.; 2018

ISBN 978-5-00098-161-0

Аннотация

Нагота все карты носят уточняющий характер
панцирь объяснения звук скользит по
своей широте через и параллельно силе сопротивления
резонируя с ритмом сердца стремглав серной
несется от камня к камню и длит отрывистое дыхание

Противоречивость взгляда в утаивании и обнаружении
ракурс слежения глубина затягивается
полевым выюнком подорожником и лебедой как кожей
наружное непременно доказательство от
данности звук твердеет на границе досягаемости

Содержание

«стремление к ясности – как стремление к жизни и смерти...»	6
«Туман гула, не ставший звуком, отделился от шума...»	9
«Предельная близость превосходит горизонт различия...»	10
«пока зимнего солнцестояния длится строка...»	11
«Нагота все карты носят уточняющий характер...»	12
«скопления разряжаются одно за другим...»	13
«наконец волны участия, причастие к общему...»	14
«молочносерое утро рассеивает описания утр...»	15
«и всетаки мои стихи – не кормушка...»	16
«листва поглотила птиц, ветер поет голосом амадины...»	18
«всякий предел сумма конечных неопределенностей...»	19
«это я – живой проход в твои новые чертоги...»	20
«внутренняя собака ровно в полночь...»	21
«к полудню загустело вещество велеречивых дней...»	22
«любовь – пристанище бездомных на период	23

переоценки...»	
«третий день соседский ребенок...»	25
вектор	26
«такая ясность и пронзительная чистота...»	27
А – С – П	29
«Распределенность присутствия...»	33
«трепетание листвы пробелы...»	35
«В момент сингулярности ритм настоящего останавливается...»	36
«...шли по пятам три барса, лис и медведь...»	38
«Пока крик не наполнился голосом проявленное...»	40
«Освоение поверхности сопровождается утратой глубины...»	41
«одно за другим перечисления...»	44
«Чередования перемежаются с зонами неопределенности...»	45
Торсионные поля	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Виктория Мамонова

Ось складки

Стихи

© Мамонова В., текст, 2018

© Геликон Плюс, оформление, 2018

«стремление к ясности – как стремление к жизни и смерти...»

*Что это – речь или молчание?
Джон Кейдж*

стремление к ясности – как стремление к жизни и
смерти —
в алой нерасчлененности,
андрогинной симультанности валентностей, где любое
присутствие исключение,
а данность – корпус аккумуляций, разрезанный
продольно;
что в Олиной статуарности
казалось молчанием, было преисполненным ужаса
сомнением
на пороге прощания...
господи, люди срываются с дерева памяти, точно осенние
листья,
и их уносит так быстро,
что я запечатлеваю лишь короткие фрагменты, а
дальше —
лента обрывается;

общая последовательность
возникает в ритме функциональных чередований,

объемы

придают плоскости несвойственную ей глубину;
возможно, что по ту сторону —
творожные облака, ряды многоэтажек, отважно наглые
птицы; возможно, случится
простейшая поверхность с краем, а ты ни разу
не готова быть с донным, быть донной,
снимая сокращенные ракурсы, улетающую воздушным
центральной перспективу,
перебираясь пятнадцать лет с места на место,
с квартиры на квартиру;

на судне ветхом, похожем больше на коммуналку,
чем на плавучую прачечную,
что по плотности населения уступает разве
Шумеру, Аккаду, но не по амбициозным планам, —
и так мы плывем в остатке, донные – падшие,
мраморные без нежности, даже не увядшие...
на «Электрической фее» – рассеянные; нам казалось —
с золотым руном мы возвращаемся триумфально в
Элладу,
а наглядно – наглядность дуальна – на корабле
маргиналов
мы бороздили годами кипучие океаны;
перед нами на самом деле закрывали двери:
отсюда порой возникало чувство холода и потери...

«Я верю, – говорила Ольга на пороге прощания, —
достаточно сделать основное, остальное – неглавное»...

«Туман гула, не ставший звуком, отделился от шума...»

Туман гула, не ставший звуком, отделился от шума.
Стальной шар покотился по рельсам и замер внизу.
Нарастающий шелест крыльев – подробный разворот —
Выбил тонкую полосу света на мелком клейком снегу.
В коротких негустых волосах трепещет растерянность.
На том конце – птица повторно пролетела сквозь сон.

Память хранит опыт взгляда, а тело – прикосновения.
«Парчовый» шорох мягко лоснится в углу. Верно ли?!
Отчего внимание ожидается от стоящего в одном ряду
С дроздофилами, фикусами, крокусами или кактусами,
С дирижаблями, жалами, жабо и рыбьими жабрами?!
В самом деле, объект в потоке объектов, не правда ли?...

И от него ожидается какое-то особенное понимание
Чего-то _____ но отчего?
Архитектура пространства начинается с четвертой —
Фрагменты фрактальны, сжаты до фокуса восприятия.
Контур вещей задает импровизацию основной темы —
Смена ритма находит всю гамму в дигитальном песке.

«Предельная близость

превосходит горизонт различия...»

Предельная близость превосходит горизонт различия.
Свет от настольной лампы раскачивает вязкий сумрак,
Где-то, звонко дрогнув, рассыпалось стекло; всего
Недостаточно: в полной мере лишь бесконтурные тени,
Смягчая те же объемы, получают новые консистенции,
Теплые и влажные, как терракотовый воздух Венеции.
Черно-белые интерьеры, ссоры, извечный ход вещей.

Ночь чертит профиль утра. Щедрость кормит голубей.
Топологическая память длит неродственный восторг,
Но направление разворачивается поперек описаниям.
Пейзаж редет, исчерпав избыток альтовых высот; —
Мгновение отчуждает протяженность событий. Извне
Мой опыт схватывания равен ловле бабочек во тьме.
Пружинящие нити, колесо цветений, клевер-медонос.

«пока зимнего солнцестояния длится строка...»

пока зимнего солнцестояния длится строка,
прохожие репетируют роли из разных сказок,
мир одноразовый, фольклорный и стразовый
кружится новогодней стеклянной игрушкой,
ты закрываешь глаза, но не оттого что жутко,
а как-то тихо и внятно сверлит под мышкой —
так даже проще, без эмоциональных излишков,

без отступлений, пробелов, провалов в пробел:
ты идешь отовсюду, как снег, всюду прекрасен и бел,
время гонит пространство на конечную мель,
пространство вплетает время в борозды пашен,
круглый мир нараспашку несется, как карусель,
в бликах рефлексий и домыслов, белых башен,
я – сейчас, что-то мне ослепительно страшно.

«Нагота все карты носят уточняющий характер...»

Нагота все карты носят уточняющий характер
панцирь объяснения звук скользит по
своей широте через и параллельно силе сопротивления
резонируя с ритмом сердца стремглав серной
несется от камня к камню и длит отрывистое дыхание

Противоречивость взгляда в утаивании и обнаружении
ракурс слежения глубина затягивается
полевым вьюнком подорожником и лебедой как кожей
наружное непреложно доказательство от
данности звук твердеет на границе досягаемости

«скопления разряжаются одно за другим...»

скопления разряжаются одно за другим —
последовательность создает силуэты событий;
по наитию мы совершаемся в повествовании,
проговаривая речитативом вслух свой испуг;

и вновь нараспев:

мы – лес, мы начинаемся и гибнем здесь:
присутствие в нас шевелится сонным камнем,
в нас поселилось время, обживая сотни мест,
где раньше взгляд искал свой путь и крест;

ритмическая смена чтений про, письма, —
как пограничность, постраничность испещрена,
возвратна окончательность пластичных форм,
топологические планы завершит сквозной проем.

«наконец волны участия, причастие к общему...»

наконец волны участия, причастие к общему;
наконец существо чувств, тепло присутствия;
наконец честность взгляда, вино чувствований;
наконец пронзительная нежность, ясность дня;

ключ от чтения между строк, меж слов, между;
ключ от стыда, чистоты (боже, сколько вины);
ключ от осторожности, но застигнут врасплох;
ключ от всполохов волнений, ролей наоборот;

границы окраин длительности, засеянных сот;
границы множественных состояний, таянья я;
границы отсечения границ, скольжения вдоль;
границы телесности, принятия другого как себя.

«молочносерое утро рассеивает описания утр...»

молочно-серое утро рассеивает описания утр,
ветер проговаривает по проводам строки сутр,
пророки отправляются на пристань радаров;
я замедляюсь... – рано или поздно? —
допустим, рано;

спешно сорванные кем-то с бельевых веревок
флаги совершают абстрактно-полосные фигуры;
равновесие сродни отрешенности в мысли;
я замедляюсь – как показали руны —
миссии «зависли» в противоречиях;

при новой встрече —
рвение к видимости досрочно по ожиданию,
Время перебирает времена, точно вещи в шкафу,
умножая и вычитая, пестуя и выхолащивая понимание;
здесь рядом Дар – быть рядом.

«И все-таки мои стихи – не кормушка...»

и все-таки мои стихи – не кормушка
для бумажных бесчувственных птиц;
ты вдохнешь их чуть глубже в себя —
станет душно, влюбишься, не дай боже,
умрешь;

вот поэтому не испытывай, а изнывай:
пепел писем, соленый горячий песок —
я не помню тебя; наши дети – зеленый
январь, андрогинный янтарный восток,
что пошлет...

я смотрела, прости, на свободу твою,
как она теплится и вспыхивает внутри,
ей покажешь ладонь: она сразу с цепи,
словно Цербер, срывается – и в крови,
не в любви;

только я эту кровь люблю больше тебя —
все к ней в жажде тянутся сытного света:
златогривый грифон перепрыгнул порог,
между тыкает единорог, под землей —
чихом крот подтвердил сомненье;

я не стану, не посмею тебя исправлять —
рядом – вечно ворчащая мудрая мать:
она знает, как выпрямить и как подмять;
я сейчас говорю твоим голосом пауз,
но мой – прорывается криком —

рядом он стоит, что тот пограничник,
солдат, поцелованный в темечко маем
на счастье, удачу – так легче до смены
стоять – и идти навстречу тебе, наверно;
до встречи.

«ЛИСТВА ПОГЛОТИЛА ПТИЦ, ВЕТЕР ПОЕТ ГОЛОСОМ АМАДИНЫ...»

листва поглотила птиц, ветер поет голосом амадины,
я помню длинно-синий город, сверкавший на солнце,
чешуей рыбьей – инеем, вобравший вогнутой линзой
парящие в лимбе детский смех и перламутровые слова...

вчерашние кони уже перебрались через смерть вплавь;
ясным быть – зерна любви подбирать и летами сеять;
песня вечности прорывается через серые рваные сети,
зов полноглазья огненным шаром катится за горизонт;

сон перекрыт удвоением долготы неподвижного тона,
свет бликует бездонно, скользя по поверхности ровной,
и она во всеглазье разворачивается выпуклой линзой —
где-то близко еще звенят ливни, птиц выпустила листва.

«всякий предел сумма конечных неопределенностей...»

всякий предел сумма конечных неопределенностей
логика исчерпывает себя в описаниях факта очередности
когда объяснение неизбежно когда объяснение излишне
константы спешно маркируют отклонения как
деструкции
угол смещения синтаксис внесмысловых содержаний

геометрия положения кочевание лакун вдоль другого
при любой деформации сохраняется какая-то
первоформа
когда объяснение неизбежно когда объяснение излишне
основа готовая к вытеснению за становится непрерывной
окрестность множеств синергия повторов и циркуляций

«ЭТО Я – ЖИВОЙ ПРОХОД В ТВОИ НОВЫЕ ЧЕРТОГИ...»

это я – живой проход в твои новые чертоги,
где златокудрые нимфы, огнекрылые боги,
синеглазые фавны, воинственные кентавры —
— все твои армии – какое-то время на пороге
топчутся и переминаются с ноги на копыто,
меняя свои привычные состояния, а после —
разбежавшись, ныряют в перегной корнями,
ветвятся и расползаются лианами – цветут,
плодоносят тяжелыми и сочными плодами;

это я – движение ора из форм и антиформ,
сразу со всех четырех сторон и семи дорог,
не маячь ни крестом, ни горящей пентадой,
они уходят в меня суставами и позвонками,
сканируя постепенно регенерацию тканей, —
раздваиваясь близнечно на день и на ночь,
на чашу земли и на неба перекинутый свод,
на кровотокающую Марину и рядового Улая:
к какому лицу осуществления ни повернись,

я рядом.

«внутренняя собака ровно в полночь...»

внутренняя собака ровно в полночь
срывается с цепи и убегает в сон —
через ее зрачки я вижу явственно
знаки движений, ахроматический тон
местами – темнее, а местами – светлее;
как ты живешь в этой унылой метели
кружащихся ритмов, стволов тополей,
сплошь порыв и сплошь стремление,
прерывистое горение на сквозняке
частоты жизни, дыхания, сна?...

ты пришла на час; итог – четверть века:
я мечтала о сквозном доверии ветра,
о преданном самоотречении зеркал —
только не продолжай свои вопросы, а
лучше беги по прямой летящей стрелой,
стремглав – по сферической кольцевой,
по возвратной – выходящей из небытия:
все перспективы стянуты к точке ноля;
всё прекратилось, исчезло, затихло,
всё, кроме тебя, галактическая.

«к полудню загустело вещество велеречивых дней...»

к полудню загустело вещество велеречивых дней;
я вывожу выгуливать попавших под забвение:
не чахлый конвоир, не санитар-студент —
смешной сатир?

проверит их на терминале и перемешает время;
как уплотнились сжатые до вспышек яростных
секунды и мгновения!

как много хочется молчать в глазастую немочь
и слышать только звук отрывистых движений,
изменчивых на переходе скоростей
чальных речей!..

«любовь – пристанище бездомных на период переоценки...»

любовь – пристанище бездомных на период переоценки ценностей;

на период уценки человеческой жизни —

gggсфокусированный натурализм

не призывает «назад к природе»,

ggg «к вещам», «к камерным мелочам»;

органическое всевластие упраздняет стремление к власти

gggi акт воления,

конструкции текстов и деконструкции смыслов

gggсо сдвигами и пробелами;

любая кинестезия – суть символ и референт возможности трансгрессии за очерченный сутулым альбиносом силуэт смерти,

где пластичные тощие дети давно играют с мертвыми птицами:

– чем тебе нравится мертвая ворона?... тебе знакома

ggg история ее гибели?

– у нее неестественная поза, она – развернутая фигура оригами,

и ее глаз – он чуть-чуть тускло сияет, ловит мое отражение —

мы коллекционируем перья – на самом деле;

– а мы – вооружение на языке развития и приближения

к будущему,
gggна языке прогресса;
мы кое-что знаем о природе страха и стресса;
gggоб обратном:
архитектоника образа выстраивается сообразно знаку —
артикуляция мысли зависит от тебя в последнюю
очередь;
gggесли очень —
но лучше без очевидных интенций:
вот – предмет! он по инерции будет двигаться по
мостовой —
после столкновения – по реакции – бег по кривой и
подмена;
утрата устойчивости – модель объяснения, невроз или
решение...
тело, свободное от телесности и политики тела,
gggот места (со)творения,
просыпается медленно, когда мир потерян,
gggсубъект разъят и растерзан,
и некто третий сканирует его рыхлую утробу,
ggga там – только знаки Бога.

«Третий день соседский ребенок...»

третий день соседский ребенок
gggкричит и плачет, и кричит
близко к полуночи и спросонок:
gggon родился только пятого мая,
без малого сутки – седмица,
ggga крик его протыкает спицами,
оглушительно тонет и кружит
gggv резком редком пространстве
объемов и геометрии пустоты;
gggon врастает в него кожей, хрящами,
но получает толчок и пламя,
gggшлепок воздуха и уличные шумы;
в дневном мареве он исчезает,
gggv ночной мистрии иссякает и тает;
а крик «собирает», крик-косточка,
gggsделавший его сразу точечным
там, где он оголтело носится
gggптицей, бьющейся о потолок офиса, —
зато на седьмой день различит
gggчереду бесполезного и нужного —

наружного: теперь он только снаружи, теперь он только
внутри.

вектор

поля движутся и наслаиваются друг на друга;
рыхлая структура напоминала б палимпсест,
если бы не устойчивое самоподобие песка:
как завершится континуальное «когда»
и где?

летучая химера возникает из зазоров хроноса;
соляная ее голова обращена к беспамятству,
теневая – к безумной карусели луна-парка;
сомнение черкает в дневник украдкой
что-то...

«такая ясность и пронзительная чистота...»

такая ясность и пронзительная чистота!
такая очевидность, что не скрыть лица, —
что превзошло тебя, то рост в тебе дало!

— *энигматическое удвоение – гало* —

вполне достаточно для смелости:
проигрывание ситуаций с логикой конца,
без примесей себя взгляд на другого!

— *проклятья в благочестии Иова* —

довольно (*как же?!*) – тешиться; довольно:
пределы обозримы в пробуждении иного;
ротация моделей – схемы, формулы!

— *поток несет и увлекает за собой* —

как означающие образы любви и исполнения
потеряны в масштабах уточнения,
и продолжение также делится на ноль;

— *скорее из упрямства, чем из сожаления* —

транстекст пересекает все контексты сразу
с той разницей: никто не сообщит по рации,
что в фокусе – короткие дифференциации...

– а запасного хода нет —

А – С – П

я не стала бы тебе солнечному
телеграфной лентою смсками
волошинскими сонетами
на худой конец неонком кометы
эту скоропись спотыканий
пересылать

но больше некому
сказать ЧТО

ни придуманная заранее тема
ни теорема Геделя или Эйнштейна (вставь любую)
ни завернутые в полиэтилене слова
не решат КАК начать
КАК залог сокращенного разговора

а я хочу сказать ЧТО
которое длится так долго
что успевают снять урожай новый
родить детей и построить дорогу
в прошлое / будущее (куда зрачки глядят)
проецируя мысли и небеса внутренние
на заутренние зеркала

зеркала вечерние (что всюду висят)
с обратной перспективою
я чувствую вместе с другими
что погружаюсь в тину
событий повернутых вспять

не отнять не взять
бытие-здесь как бытие-там

мы слегка покинули свои контуры
и тела
и слова
и поступки

такая образовалась толчея в ступке
изошедших из мертвых зеркал
такое рычание
что вспоминается изгнание бесов в храме
из падучей
а здесь неизмеримый масштаб

да страшно

я не хочу Александр быть в этой каше
я не хочу быть этой бродящей кашей
но все уже встали под флаги «НАШИ»
я пью свой остывший кофе листаю Оуэна
и зрячесть вещей контрастирует поровну
с осенним дымом и бредовыми проводами

в никуда

никакого неона никакой звезды одна судьба

ЧТО (все-таки выхожу на предмет разговора)

ЧТО здесь является существом

ЧТО его или иным веществом

ЧТО прилагается в качестве признака / знака

впрочем все координаты сняты

прочее отсечено

призрак кастрата

я смотрю на другие века

понимая условность и обусловленность взгляда

сряду не подобрать аналогии

но остепененные (не остепенившиеся) филологи

их находят в Средних веках

и начинается мистерия мысли взмах

я пас

историческая мифология + технология

готовят скорее бойню номер пять

шесть

семь

бесконечность

заканчиваю не могу тебя утомлять

завтра опять в семь вставать
следующее письмо
непрерывно будет
о яблоках об апельсинах
о сливах синих
и твоей гениальности
voilà!

«Распределенность присутствия...»

Распределенность присутствия
по суетливым деталям плана,
по организации топохрона сада;

повседневность скроена ладно:
открыта и многолюдна,
веет всюду, застревает всюду
в наличном дознании,
на ветру развевается парусом,
намечая исход и радиус
беговой окружности,

при прочих
схематизме и суженности.

Взгляд ищет опору,
кого-то / что-то ищет
в обозримом хронотопе сада,
видит следы, отчеты и сдвиги —
вериги, но они утешают
узнаванием в границах воления.

Взгляд, в общем, довлеет
над частным, что мнится целым,

деревом, что весь лес и дерево,
человеком, что не совсем человек, —
суть способы уплотнения и означения,
присутствия, бег.

Хотя как может самодознание
смириться с отсутствием порядка,
с топологическим перетеканием
фигуры и фона
в нечто иное?...

«трепетание листвы пробелы...»

трепетание листвы пробелы
их надлежит заполнить

орнамент равноудаленных вершин
наслоения звук тонет

непроизнесенное слово
краснеет бьется исходит кровью
нас двое

канатоходец горизонта знак
курсив дрожит дробью

острова мерно всплывающих пауз
обнаружения груз слова

«В момент сингулярности ритм настоящего останавливается...»

В момент сингулярности ритм настоящего останавливается:

стрела застревает близ цели, движение кристаллизуется, оползень застывает студнем, Зенон раскачивается на стуле;

апория доказана: в момент сингулярности настоящее зрячее;

из рода в род становящийся всуе ты идешь чрез его коридор.

Слепое пятно в глазу скрывает изменчивые плазменные дали,

плавно переходящие из воды в пламень, из пламени в камень;

спорные дали, мыслящие себя как стаи перелетных птиц: спиц

шестого, седьмого, восьмого... измерений от даты обретения,

фрагментирующиеся на языки, семьи, народы, истории, страны.

Рано обгонять черепаху – Зенон поплелся на кухню за киафом:

набор свойств, обернутый в ткани привычного
невосприятия,
не может смириться (и только) с принятием другой
реальности
для утконоса, дельфина, пчелиного роя, блошки, ангела,
чина.
Все вероятности картин мира – калейдоскоп – в одном
миге.

«...шли по пятам три барса, лис и медведь...»

...шли по пятам три барса, лис и медведь,
следы мои на бескрайней земле стирая,
символы мои засыпая то палой листвой,
то снежной тоской, то шерстью линялой;
год подгонял днями, свистел, точно плеть.

А по уступам нагорья не отставая за нами
темным облаком ночью, пламенем днем
следовал хитроумный и могучий Хирон.
Ведь что-то его побуждало, что-то влекло?
Но вот что? – До сих пор тайна: хотел ли он
присоединиться к их мрачной травле или,
может, вмешаться, чтобы что-то спасти?!

Выяснилось потом, был исполин уставшим,
продрогшим в столетних объятьях Борея, —
он плелся из любопытства, не думая ни о чем.

Следов моих становилось всё меньше,
а те, что не поддавались сразу – зияли
цветочной раной, не рубцуюсь, не засыхая, —
их раздавали пряниками с ванилью, корицей
потешные скоморохи, умные и безлицые,

зацелованное дурачье.

Да, мне странным казалось упрямство
нести письма на стороны света и мрака
к какому-то мифическому адресату, чье имя
я не распознала и не смогла прочесть.

Но к чести сказать или, напротив, в проклятие
все мои стертые литеры-знаки как заклятия
проступили на лбах прожорливой рати.

Три барса, лис и медведь и с ними кентавр
в своих личных свидетельствах, ранах и тайнах
предстанут теми самыми письмами,
что они старательно за мной затушевали,
вытесняя из тени тень, высветляя светом свет.

«Пока крик не наполнился голосом проявленное...»

Пока крик не наполнился голосом проявленное
осторожничает со способом выражения Тексты
растут небоскребами поперек и вдоль течения
языка Погребенные всходят через тела новых
хотя перекодировка истин(ы) сокращает движение
Описания вносят порядок и короткие разряды
что кормит зрение не всегда настраивает и слух
История начинается с конца истока око за око
В сущности испуг был образом неговорения вслух
когда всякая речь отречение течь птичья взвесь
Топографическое «здесь» длит «после» в «здесь»
не криком но всхлипом не всхлипом так полипом
Проявленное себя кажет в пружинящих явлениях
силы среды и созревающего внутри сопротивления

«Освоение поверхности сопровождается утратой глубины...»

Освоение поверхности сопровождается утратой глубины.
Нас спасает непрерывность

gggжеланий ego

gggпроизводства

gggрадиопотока

gggили новизны

Реальность избавилась от всех координат и привкуса земли.

Каждый живет в своей капсуле; слияние капсул в кампус
Рассматривается как некое завершение метанарратива –
лжи.

Линейность ритмов укрепляет аморфность
консистенции.

Терапевтический порядок

gggстальных каркасов

gggконструкций

gggили рядок

gggигральных зон

Перманентное объяснение сопровождает любое
действие,

Постепенно вытесняя его знаком, следом, пробелом, сном.

Картезианство – в прошлом, *далеко* и *глубоко* соотносимы.

– Посмотри, отчего на фотографии (20-летней давности) —

(Примечание мое) – мои глаза большие и выразительные, А сейчас совсем другие

gggсузившиеся

ggggggпотухшие...

– Что со мной случилось? – за вопросом. – Просто...

Всё выражение лица – выражение лица битого ребенка,

Напряженные плечи... – Мама, – беспечно —

Мы все всматриваемся в будущее открыто и оголтело,

– Я пускаюсь в объяснения... —

Чтобы увидеть минувшее как набор вероятностей.

Мама, – продолжая про себя на иврите – я в состоянии ужаса,

Ставшем для таких же магнитом; есть моменты исключения,

Но основной сценарий поведения – сплошь мимикрия под

языки

gggконтексты

ggggggконвенции

Я партизаню за собой, чтобы не всплыть на поверхность,

Обозначив разнuzданную условность происходящего.

Вящая убедительность ряда снята для эстетического убоя.

Техники манипуляции

ggg игнорирование

ggg поощрение

gggвызов на эмоции

ggg или мясорубка

Никогда прежде реальность не была столь ломкой, хрупкой,

Упакованной в стремительно устаревающие концепции.

Потеря глубины – очередной сдвиг, остальное – интенции.

Принуждение к выбору нивелирует образ и голос субъекта.

Компенсаторный выход

gggпериферийность

ggg или безумие

gggmаргинальность

ggg инертность

Слишком много логик, рефренов, денотативных повторов,

Впрочем – «слишком» не избавляет от энтузиазма вторы...

Освоение поверхности сопровождается удвоением пробоин.

«одно за другим перечисления...»

одно за другим перечисления
членят протяженность в опытах прочтения
предметность скапливается в закоулке сна
как сгусток красок чистота
линии и восприятия частота отсутствия
вытесняет фигуративность псевдообъемов
когда способ говорения лишает наличное
следа эластичность непрявленности
животно пульсирует выпрыгивает из себя
гротескно обыгрывает мемы стыда и греха
травма скажет кто-то
застегивая пуговицы вельветового пиджака
одну за (повторяющееся действие) другой

«Чередования перемежаются с зонами неопределенности...»

Чередования перемежаются с зонами неопределенности.
«Вся надежда на» уступает спокойному наблюдению.
Тра —
ва вдоль дома наливается энергичным зеленым. Прерии и
территории. Освоение как присвоение, как отчуждение,
как
забвение. Если и начинать — то с бодрствования и
ясности —
все пряности ума преуменьшают вселенскость простых
дел.

Нужно решиться на начало — хотя в окрестностях ни
одного
причала, ни одного намека на сроки начала, ни одного
кого.
Пусть пустота, крутящаяся вокруг своей оси, — условное
где:
место для времени, истории, бега. Место за пределом
мест.
Место, где совершается открытие в просвет. Хватит ли
сом —
нения? Хватит ли честности и мужества для отречения?

...

Прочтения и распределения. Следы отсутствия узнаются по

заполнению. Порядок предметов – меты и знаки – полуарки.

Незавершенность мотивирует на движение и перестановки —

завершенность была предлогом для раскачивания ее лодки.

Завершенность описания, введения в круг, рисунка событий,

сомкнутых губ. Светочувствительность и наслоения взгляда.

Торсионные поля

1

С какого момента ни начни —
продолжение станет сомнением,
сомнение ляжет молчанием —
ты отзовешь всех своих посыльных,
нарядных камердинеров и сирых,
расставленных пунктирно по пути,
точно указатели или ориентиры.
С какого момента? – Начни уже.

2

В сущности, шествование и мелькание
на карте обыденного сознания —
кому-то, возможно, – бег и плавание,
словом – динамика и освоение
внутри раскрашенного пространства
горизонтов понимания и удаления,
есть в сущности суть – а не примкнуть.

3

Не отслоения, не пределы, не выходы,
не заслоны от птиц, рыб, насекомых —
«не» – апофатически ровный шаг —
выворот наизнанку – портит осанку,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.